

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Кангиева А.М. Духовный дневник: интеграция суфийских практик в современный культурный контекст // Философия и культура. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.1.72148 EDN: TOSQFE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72148

Духовный дневник: интеграция суфийских практик в современный культурный контекст**Кангиева Алие Меметовна**

кандидат филологических наук

Психолог; Научный сотрудник; НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма при ГБОУ ВО РК КИПУ им. Февзи Якубова

295015, Россия, республика Крым, г. Симферополь, Учебный пер., 8

aliye.kangiyeva@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия постмодернизма"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.1.72148

EDN:

TOSQFE

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Дата публикации:

03-01-2025

Аннотация: Исследование посвящено культурно-философскому анализу духовных дневников, оформленных в форме писем к наставнику, и их роли в личностных экзистенциальных переживаниях автора. В условиях современной цифровой культуры, где личная коммуникация нередко превращается в публичное самовыражение, духовные дневники, основанные на диалоге с Другим, предлагают альтернативный подход к саморефлексии. Такой дневник направлен на углубление внутреннего диалога, помочь в обретении целостности и снижение тревожности через взаимодействие с метафизическим Другим. Объектом исследования является дневниковый дискурс как способ личностного взаимодействия, а предметом — коммуникативные и психолингвистические изменения, происходящие в процессе ведения таких записей.

Исследование основывается на коммуникативном, нарративном и дискурсивном анализе текстов, позволяя выявить, каким образом духовные дневники могут способствовать личностным трансформациям и улучшению состояния автора. Методологический подход включает коммуникативный, нарративный и дискурсивный анализ дневников. Метод коммуникативного анализа фрагментов дневниковых рукописей, позволил прийти к выводу о жанровых особенностях и типе коммуникации (модель "Я-Ты" коммуникации) Метод дискурсивного анализа позволил сосредоточиться на исследовании метафизического пространства между автором дневника и адресатом согласно традициям суфийской коммуникативистики. Научная новизна исследования заключается в критическом рассмотрении понятия автокоммуникации, введенного Ю. Лотманом, в свете диалогической философии М. Бубера и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. В отличие от постмодернистской концепции автокоммуникации как модели «Я – Я», в статье предлагается интерпретировать духовные дневники как модель «Я – Ты» коммуникации. Духовный дневник способствует восстановлению внутреннего диалога и преодолению чувства изоляции. Авторы таких дневников, взаимодействуя с метафизическими Другим, ощущают снижение тревожности и усиление внутренней целостности, что улучшает их реальные социальные связи. Результаты исследования подчеркивают значимость дневников в форме писем к наставнику для междисциплинарных исследований в психологии, филологии и религиоведении. В ходе исследования было установлено психокоррекционное воздействие дневников в форме писем к наставнику или наставнице. В статье показано, что подобные тексты, формирующие коммуникативное пространство взаимодействия с метафизическими Другим, помогают автору обрести устойчивость и внутреннюю опору, дают новый эмоциональный и коммуникативный опыт

Ключевые слова:

экзистенциальные переживания, нарративная психология, самотерапия, рефлексия, метафизический диалог, дневниковый дискурс, коммуникация, другой, Хабермас, цифровой нарциссизм

Введение

Современная цифровая эпоха оказывает влияние на формы и содержание коммуникации. Это проявляется и в практике ведения дневников. Если традиционные дневники являлись глубоко личной и интимной формой самоанализа, то сетевые дневники и блоги часто отражают нарциссические тенденции, где личность стремится к публичности под маской интимности, утрачивая подлинный диалог с собой другим. Многочисленные сетевые дневники – пример таких текстов.

В то же время сегодня все более популярной становится такая форма дневников как духовные дневники. В таких дневниках человек вступает в диалог с духовным наставником в поисках предельных смыслов, стремится раскрыть свою духовную грань, укрепить веру в Бога через связь с метафизическими Другим. Эти дневники можно рассматривать как средство глубокого диалога, выводящего человека за рамки собственного эго и открывающего пространство для духовного преображения. В отличие от сетевых дневников, которые часто способствуют разрушению подлинной коммуникации, духовные дневники поддерживают культуру диалога.

Автор данной статьи, филолог и практикующий психолог, исследует терапевтический

ресурс мистических нарративных и дискурсивных практик традиционного суфизма в современном культурном контексте. В своей работе с клиентами автор предложил вести дневники в форме писем к значимому Другому (наставникам, учителям), для углубления саморефлексии. В ходе психологического консультирования и ведения клиентов нами было предложено использовать терапевтический ресурс коммуникативного пространства между клиентом и значимой для клиента психической фигурой с простраиванием коммуникативного пространства в традициях суфийской коммуникативистики. И в качестве домашнего задания клиентам было предложено вести дневник в форме письма наставнику (или наставнице).

Настоящая статья посвящена культурно-филососкому анализу духовного дневника как к специальному типу коммуникации, текста и дискурса, как способу работы с психикой через письменное слово.

Разбор типа коммуникации в таких дневниках подкреплен анализом фрагментов дневниковых рукописей самих клиентов, раскрыты положительные результаты ведения дневников в психокоррекционном процессе: ведение таких дневников помогло восстановить чувство связи с другим, преодолеть изоляцию и наладить менее критичный, продуктивный внутренний диалог. Включение фрагментов рукописей в данное исследование позволяет проанализировать, как практика дневниковой коммуникации влияет на личностное развитие и формирование такого типа дискурса, как метафизический диалог с духовным наставником (как с метафизическими Другими).

Объектом исследования является дневниковый дискурс как форма личностного и межличностного взаимодействия. **Предметом** исследования — коммуникативные, экзистенциальные и психолингвистические трансформации, которые происходят в процессе ведения дневников как в цифровой среде, так и в рамках духовной практики.

Целью исследования является анализ дневниковых практик, начиная от цифровых сетевых дневников и заканчивая суфийскими духовными дневниками, с акцентом на различие их коммуникативных функций — от нарциссической автокоммуникации до диалога с Другим. Автор стремится показать, что суфийская мистическая традиция, сохранившаяся в разных формах в Крыму, интегрированная в дневниковые практики, может предложить альтернативу современным формам самовыражения и открыть новые пути для построения диалога.

В данной статье для достижения цели исследования будут приведены фрагменты дневников, предоставленные авторами для исследования. В ходе исследования нами было собрано 19 дневников, авторы которых предоставили свои тексты в рукописном виде дистанционно для анонимного анализа. Анализ фрагментов рукописей (ФР) будет дан ниже. Дневник в форме письма наставнику уже был исследован нами как психотехника [\[10\]](#). В данной статье мы будем сосредоточены на типе коммуникации и жанровом своеобразии таких дневников, рассматривая дневниковый дискурс духовного дневника как культурный феномен.

Научная новизна исследования заключается в том, что переосмыслен термин «автокоммуникация», предложен критический взгляд на концепцию автокоммуникации Ю.М. Лотмана, дана ее интерпретация с позиций суфийской коммуникативистики и коммуникативной онтологии. Дневник в форме письма к метафизическому другому рассмотрен в рамках междисциплинарного подхода (на пересечении культурологического, присхолингвистического, теологического анализа) интегрированы современные подходы (нарративная психология, теория коммуникаций) и традиции

суфизма, что вносит вклад в междисциплинарные исследования.

Исследование эмпирически демонстрирует терапевтическую ценность дневниковых практик: письма к метафизическому Другому (наставнику) не только восстанавливают внутренний диалог, но и становятся пространством поиска ответом на экзистенциальные вопросы, вербализации переживаний, связанных с предельными основами бытия и поиском смысла, письма способствуют снижению тревожности, улучшению отношений с окружающими, построению близости.

Работа актуализирует культурное наследие суфизма через изучение практики дневников в современном мире. Эти тексты продолжают традицию метафизического диалога в современном контексте, сохраняя свою духовную значимость. Даны критика постмодернистских тенденций, раскрыты различия между нарциссической направленностью современных практик самопрезентации и диалоговой природой текстов, основанных на традициях Диалога. Это подчеркивает **новизну и актуальность** исследования и его значимость для различных областей знаний — от филологии и психологии до культурологии и религиоведения.

Статья предлагает попытку нового осмысление роли дневниковых практик как культурного феномена, что может оказаться полезным как для специалистов в областях психологии, филологии, философии, культурологии, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами типов коммуникации, дневниковым дискурсом, инструментами самотерапии, нарративистикой. В статье показано, что дневник может стать как инструментом отчуждения и разрыва контакта, как в случае с цифровым нарциссизмом в сетевых дневниках, так и средством восстановления подлинного диалога. Представленное исследование нацелено на междисциплинарный анализ духовных дневников как инструмента поиска предельных смыслов, проживания экзистенциальных переживаний, средства самопознания и психокоррекции, как разновидности текста и дискурса и, что делает его значимым как для философии и культурологии, так и для психологии и религиоведения.

1. Обзор литературы

Исследование феномена суфийских духовных дневников как пространства метафизического диалога базируется на обширной теоретической базе, включающей философские концепции, психолингвистические подходы и культурологические источники.

В статье приводится анализ термина «автокоммуникация», введенного Ю. Лотманом. На наш взгляд, данный термин удачно характеризует состояние коллективного бессознательного до коммуникативного поворота в науке, сформулированного Юргеном Хабермасом в «Теории коммуникативного действия».

Кризис сциентизма и позитивизма привел научную мысль к двум направлениям: фокус внимания ученых сместился с исследования «объективной истины», мира, к своему психическому опыту, углубление в себя, с одной стороны; с другой стороны, произошел «разворот к Другому», манифестация коммуникативности как конституирующего смыслы пространства.

Термин «автокоммуникация» отражает первую тенденцию в то время, как коммуникативный поворот, напротив, характеризует вторую и разворачивает человека от «Я» к «Ты», к диалогу, к пространству между «Я и Ты» Мартина Бубера.

Коммуникативный поворот в науке описал сдвиг в философии и общественных науках в XX в., смещение акцента с исследования внешнего мира либо внутреннего мира сознания и индивидуального опыта на анализ коммуникации и общественных взаимодействий. Идея того, что понимание и знание формируются в ходе взаимодействий между людьми, а не исключительно через индивидуальные когнитивные процессы, что основу понимания составляет диалог, а не индивидуальное мышление, перевернула не только философию, но и культурологию, филологию, психологию и привела к возникновению новых направлений.

Изучая суфийские источники крымского ханства, мы ввели в научный оборот междисциплинарное направление «суфийская коммуникативистика» [\[8\]](#), которое отражает коммуникативную природу суфизма и в рамках которого была сформулирована коммуникативная теория смысла [\[9\]](#). В рамках данного направления основной акцент исследователя смещается на пространство между коммуникантами.

С опорой на суфийскую мистическую традицию был предложен клиентам автора настоящего исследования метод ведения дневников в форме письма наставнику. Суфийские дневники отражают традиции, основанные на обращении к духовным наставникам и метафизическим концепциям. Эти тексты сохраняют связь с древними практиками диалога, где ритуалы коммуникации формируют пространство для трансформации личности. Суфийские тексты, содержащие в себе образцы духовных дивалогов, были взяты за основу при построении техники ведения дневника клиентами.

Философская концепция Мартина Бубера противопоставляет диалог «Я – Ты» коммуникации по типу «Я – Оно». В контексте суфийских дневников эта идея особенно значима, поскольку обращение к наставнику или пророку через письмо является примером метафизического диалога, который позволяет автору выйти за пределы собственного эго и обрести новую форму самосознания, преодолеть субъект-объектные модели взаимодействия с другим и прийти к интерсубъективизму.

Культурный контекст и постмодернистская эстетика сетевых дневников и современного дневникового дискурса изучены Анной Зализняк, Александром Перцевым и др. Современные дневники, вписанные в контекст постмодернистской эстетики, часто характеризуются фрагментарностью, демонстративностью и стремлением к публичности. А. Зализняк и А. Перцев, отмечают, что сетевые дневники превратились в инструмент самопрезентации, утрачивая глубину личной рефлексии. Духовные дневники, в отличие от сетевых, сосредоточены на внутреннем мире автора и его диалоге с Другим.

Концепция экстимности Жака Лакана, описывающая публичное раскрытие интимного, позволяет понять отличие современных сетевых дневников от духовных дневниковых текстов и от классического дневника. В отличие от экстимных практик, духовные дневники сохраняют интимность внутреннего диалога, направленного на метафизическую связь.

Обзор литературы демонстрирует, что изучение суфийских дневников позволяет переосмыслить ключевые философские и культурологические подходы, предложенные Лотманом, Бубером, Хабермасом и Лаканом, и выделить их уникальность как инструмента метафизического диалога и самопознания.

2. Методология исследования

Как было указано выше материалы исследования (фрагменты рукописей) были предоставлены авторами дневников, которым близка суфийская картина мира и которым

было предложено вести такие дневники в рамках психокоррекционной работы. Данные дневники, предоставленные для анализа в форме фотографий рукописей либо напечатанного текста, рассматриваются в статье как образцы духовных дневников.

В исследовании применён метод коммуникативного анализа, который позволил изучить дневниковый дискурс как форму автокоммуникации. Этот метод сосредоточен на выявлении взаимодействия между автором текста и его предполагаемым адресатом, даже если последний является метафизическим Другим. Коммуникативный анализ позволил определить, как в дневниковых записях сочетаются элементы внутреннего диалога и обращения к наставнику, а также как эти обращения способствуют рефлексии, снижению тревожности и структурированию личного опыта. Использование этого подхода позволило выявить особенности диалогической природы текста, подчёркивая переход от автокоммуникации к условно-интерактивной форме "Я – Ты".

Представленные тексты анализировались методом нарративного анализа. Этот метод использовался для изучения структуры текстов. Выявлялись сюжетные линии, особенности изложения мыслей и эмоций авторов, а также коммуникативные стратегии, применяемые в письмах к наставнику.

Дискурсивный анализ (в рамках суфийского дискурса) помог вписать дневники в общую религиозно-мистическую традицию, с учетом полевых динамик, сформированных в рамках традиционного обращения к метафизическому Другому в суфизме, с учетом ритуалов и символических суфийских обращений. Исследование включало выявление метафизических образов, используемых в текстах, и их значения в культурной и духовной картине мира авторов.

Метод компаративного исследования помог выявить общие черты и различия между современными духовными дневниками и сетевыми дневниками, описанными А. Зализняк и А. Перцевым

3. Результаты

Исследуя суфийскую дискурсивность и суфийскую коммуникативистику, наблюдая за виртуальной жизнью тех, кто идентифицирует себя через суфийскую картину мира, мы замечаем, что современным последователям суфизма также близок дневниковый дискурс. В Интернете можно встретить страницы с названием «суфийский дневник», «дневник суфия». Эти дневники отражают картину мира автора – веру в Бога, внимание к сердцу. Но в то же время, включают в себя общие постмодернистские тенденции современного виртуального дневникового дискурса: «фрагментарность, нелинейность, нарушение причинно-следственных связей, интертекстуальность, авторефлексию, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальную незавершенность и отсутствие единого замысла» [\[17\]](#).

Коммуникация в коммуникативной онтологии – это встреча Я и Другого, где оба предельно открыты, и благодаря этой открытости происходит познание границ Я и границ Ты, столкновение с собственным бессилием перед выбором Ты, и дальнейшее расширение пределов Я через зеркало Ты. Как пишет автор одного из дневников:

«Дорогой Пророк, если у меня однажды спросят, что такое боль, то я отвечу, что боль – это отсутствие рядом посланника Бога. Я думаю, что не будет никакой боли, которая перевесит тоску по тебе» [ФР 14].[\[1\]](#)

Есть ли в атакоммуникации место встрече? С кем встречается Я? В этой статье мы не

сможем ответить на заданные выше вопросы, не отойдя от основного предмета исследования. Однако отметим, что дневник в форме писем к наставнику в свете коммуникативной методологии мы будем рассматривать не как автокоммуникацию, а как тип связи «Я – Он» по Лотману, а если еще точнее, то «Я и Ты» по Буберу. Поскольку в картине мира суфия, обращаясь в письме к пророку либо святому «О пророк Адам!...» или «О святая Мария...» автор обращается не к себе. Автор такого сообщения надеется на метафизический ответ. Этот «ответ» не может быть предметом исследования лингвистики, поскольку он не опредмечен:

«Тебя не видя я вживую,
Наяву не слыша голос твой,
Стиснув зубы и тоскуя ,
Иду, Мухъаммад, за тобой» [ФР 14]

В картине мира суфия связь между его сердцем и сердцем наставника, установленная через речевой акт, может быть проявлена в снах, в духовной поддержке, в «благословении», и, главным образом, она будет опредмечена, по мнению автора дневника, в загробной жизни:

«В Судный День я хотела бы быть на верховом животном рядом с Вами [с пророком], моими сыном и дочерью, которых я родила» [ФР 7].

«Я надеюсь, еще раз увижу Тебя [Пророка] во сне» [ФР 11].

Такого рода «ответ» не может быть исследован в рамках научного филологического дискурса. Однако уже в работе по коммуникативной онтологии Ярославцева пишет о том, что объективной науки в чистом виде, вне субъекта, его картины мира и интерпретации в реальности не существует [24, с. 78]. Поэтому, определяя тип коммуникации в исследуемых дневниках мы учитываем картину мира автора.

Само сообщение также не может быть рассмотрено как автокоммуникация, поскольку скорее напоминает отправленное письмо, которое в течение долгого срока остается без опредмеченного ответа. Сама структура таких дневниковых записей полностью соответствует эпистолярному жанру: начало письма, уважительное обращение к адресату, основная часть, концовка и, иногда, постскрипту:

«P.S. В моей жизни меня отвергали все. И лишь ты дал мне опыт сострадания и принятия, который я не получила от истощенной, уставшей, потерявшей себя мамы.

P.P.S. Ты дал мне мечту про Рай. Красоту, сияние, вечность рядом с Тобой. Как не любить?» [ФР 12]

Таким образом, анализ содержания текстов позволяет выделить ключевые темы, такие, как тоска, поиск поддержки, надежда на духовное благословение. Структурный анализ позволил выявить повторяющиеся коммуникативные стратегии, такие как ритуальные обращения и символические конструкции.

Анализ текстов показал, что основные **темы писем** сосредоточены вокруг внутренних конфликтов, поиска смысла и надежды на метафизическую связь. Авторы дневниковых записей часто обращаются к наставнику как к единственному адресату, способному понять их глубинные переживания. Эти письма становятся пространством для выражения тревог, сомнений и духовных поисков.

Примером такой записи является обращение, в котором автор описывает чувство утраты:

«Внутри пожар, ветра и бури —

Здесь я путник и чужой.

Я по тебе, Пророк, тоскую.

Иду, Мухьаммад, за тобой» [ФР 14]

Эти строки отражают желание восстановить связь с наставником и обрести внутреннюю опору через осознание этой связи.

Письма демонстрируют ярко выраженную **диалогичность**, соответствующую модели взаимодействия «Я – Ты», описанной Мартином Бубером. Авторы часто используют формы обращений, подчеркивающие уважение, близость и доверие к метафизическому Другому. Типичные формулы включают: «Дорогой Пророк...», «О святая Мария...», «Наставник мой...»

Структура текстов подчинена эпистолярным нормам, включая приветствие, основное содержание и заключение. В некоторых письмах присутствуют ритуальные элементы, такие как просьбы о благословении, извинения за ошибки, выражения благодарности. Это подчеркивает символическую значимость текста как инструмента установления связи.

Пример записи, отражающей эту диалогичность:

«Так тяжело, что порой не идут даже слезы... Ты Тот который бы меня никогда не предал» [ФР 16].

Терапевтический эффект

Практика ведения дневников показала свою терапевтическую значимость для авторов. В ходе опроса авторов выявлено, что дневники способствуют улучшению эмоционального состояния, восстановлению внутреннего равновесия и снижению чувства изоляции [10].

Интервью с участниками подтвердили, что письма к метафизическому Другому помогают справляться с тревожностью, укрепляют чувство уверенности и создают пространство для саморефлексии [10]. Один из авторов писал:

«Дорогой Пророк Мухьаммад, знаю что Ты не сможешь это прочесть, но мне очень хочется написать о своей боли. Я очень скучаю, о Пророк, мне Тебя безумно не хватает. Так хочется сказать: «Прочитай за меня ду'a, чтобы в моем сердце всегда был покой» [ФР 17].

Авторы подчёркивали, что процесс письма приносит ощущение внутренней целостности и духовного роста. О том, как вербализация любви к наставнику добавляет субъективное ощущение силы и опоры, можно увидеть здесь: «Ты знаешь, Пророк, нам без Тебя одиноко

Мечтаем мы с сестрами видеть Тебя !

Мы в суете живем, но сильней с каждым вдохом читая в любви Салават для Тебя» [ФР 17].

Анализ данных подтверждает, что суфийские дневники, написанные в форме писем к

наставнику, выполняют не только функцию внутреннего диалога, но и становятся важным инструментом поиска ответов на экзистенциальные вопросы о смысле, близости, одиночестве, любви, верности и предательстве. Письма помогают вличностной трансформации, способствуя снижению тревожности и укреплению духовной связи.

4. Обсуждение результатов

Как пишет А. Зализняк: «...сегодняшний взрыв интереса к дневникам стимулирован [тем], ...что сами эти тексты идеально встраиваются в постмодернистскую эстетическую парадигму». И дневники тех, кто идентифицирует себя через тасаввух (суфизм), не являются исключением.

Отличие постмодернистского дневникового дискурса от тех дневников, которые писались в прошлом, можно заметить в дневниковом проекте историка М. Мельниченко "Prozhito". В его базе дневников XX века, в которой собрано более 45 тысяч записей. Многие из этих дневников «писали в лагерях, тюрьмах и ссылках, проносили через войны и катастрофы» [\[13\]](#). Там мало постмодернистского пресыщения собой, текстом, авторефлексией. Там много рефлексии о мире и о себе и мало «удовольствия от текста», о котором пишет Барт [\[1, с. 462\]](#).

Как изменились представления о дневниках за последние пару десятилетий, видно также из комментариев Бердяева к дневнику Поплавского. Встречая в дневнике писателя молитву: «Боже, Боже, не оставляй меня. Боже, дай мне силы...», Бердяев пишет: «Постоянное мое недоумение. Как можно так писать?.. Если это молитва, как не вывалилось перо из рук? Если же для того, чтобы когда-нибудь прочли люди, как хватило литературного бесстыдства?» [\[21\]](#).

Постмодернистская эстетика, напротив, легализовала позёрство и спектакль, упразднила стыд.

Так или иначе, «последние два десятилетия характеризуются необычайным интересом к исследованию "автодокументальных" текстов вообще и дневников в частности. Появилось даже слово дневниковедение, означающее область филологии, в какой-то степени отдельную от изучения близких жанров: автобиографий, мемуаров и писем» [\[1\]](#).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современном мире дневниковый дискурс претерпел значительные изменения, сдвигаясь от интимности к экстимности, как отмечает Жак Лакан. В сетевых дневниках авторы нередко оголяются перед внешним, безличным Другим, теряя связь с реальным читателем и подлинной интимностью. Постмодернистская эстетика легализовала эту демонстративность и нарциссизм, заменив глубокий смысл самовыражением ради публичности. Однако суфийские дневники, несмотря на проникновение постмодернистских тенденций, сохраняют связь с духовными корнями, предлагая иной, диалогичный подход к самопознанию.

Говоря о духовных дневниках, вспомним слова писателя Орхана Памука: «...историки и литературоведы напоминают нам, что ведение дневника не в традиции исламской культуры. Мысль о том, чтобы познакомить других со своими записями, исключает идею интимности, лежащую в основе понятия «дневник». Дневник, который ведется в расчете на обнародование, предполагает некоторую неискренность, псевдоинтимность» [\[17\]](#). Этот же парадокс «сетевых дневников» отмечает и А. Зализняк, называя сетевые дневники с открытым доступом «носками сэксонд-хэнд» [\[7\]](#), как нечто комичное, абсурдное, отрицающее себя и, тем самым, прекрасно отвечающее эстетике постмодерна явлению.

Постмодерн коснулся и авторов духовных дневников и верующих в целом. Суфии-дневниководы сегодня не редкость. Некоторые такие письма также публикуются, открываясь страницы в соцсетях, где проводят конкурсы на лучшее письмо пророку Мухаммаду и его семье.^[2] Некоторые дневники ведутся приватно, однако опыт ведения таких дневников бывает описан в свободном доступе. Мы не будем анализировать все сетевые дневники суфииев и ограничимся дневниками в форме писем духовным наставникам, которые были предоставлены нам для исследования и которые мы использовали в работе с клиентами как способ саморефлексии и психокоррекции.

Определяя тип коммуникации и жанровые особенности дневника вообще, за основу жанрообразования целесообразно взять «конвенцию отношений с адресатом текста, которую принимает на себя пишущий» ^[2, с. 160]. Дневник в форме писем Зализняк к промежуточному автодокументальному жанру, между дневниковым и эпистолярным жанром ^[7].

Однако если речь идёт о письмах к ушедшим из жизни адресатам, публикация которых не предполагается автором, то в психолингвистическом смысле, речь, скорее, о дневниковом дискурсе, нежели эпистолярном. Автор писем умершему наставнику предполагает, что эти написанные на физическом носителе тексте будут прочтены лишь им самим. Обращение к наставнику (пророку, святому) будет избранной автором коммуникативной стратегией, основанной на его убеждении о духовной связи между сердцем ученика и сердцем наставника. В то же время физически этот текст не предназначен для чтения кем-либо, кроме самого автора.

В одном из дневников в форме письма пророку мы читаем:

«Я тебе напишу письмо

Но его не отправлю я почтой

Я тебе прочитаю его

У могилы твоей тихой ночью» [ФР 13]

При определении основного типа коммуникации в дневниковом дискурсе, исследователи дневников основываются на работе Лотмана Ю. М. «Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты» ^[19], в которой ученый впервые вводит термин автокоммуникации как модели «Я – Я» коммуникации, когда адресат и адресант совпадают в лице автора. «...мы имеем передачу сообщения от «Я» к «Я». Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности, те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит» ^[11]. Именно обращенность текста автора к самому автору, когда для написанного текста не мыслится иной читатель, кроме автора, по мнению Анны Зализняк, является жанрообразующей для дневника ^[7].

Введенный Лотманом термин «автокоммуникация» может быть рассмотрен как сугубо постмодернистский концепт. Этот термин проливает свет на современную дневниковую моду и увлеченность селфи, описанную Перцевым, на явление экстимности, введенное Лаканом ^[25] и digital narcissism.

В произведении «Ролан Барт о Ролане Барте» автор пишет: «Я живу в обществе

отправителей... Со всех сторон так и прет наслаждение письмом, производством... Тексты и зрелища стремятся туда, где на них нет спроса... На свою беду, они не встречают ни друзей... ни партнеров, а лишь «знакомых»...» [\[1, с. 30\]](#).

Тексты пишутся в гораздо большем количестве, чем читаются. Мемосфера полна комичных изображений людей, которые с упоением перечитывают свои комментарии.

Можно ли считать автокоммуникацию полноценным типом коммуникации или корректнее называть это саморефлексией, внутренней речью в свете коммуникативной онтологии [\[9, 24\]](#)? Если взглянуть на термин «автокоммуникация», учитывая коммуникативный поворот в науке и культуре, в парадигме философии Другого, теории коммуникативного действия Хабермаса, то можно ли согласиться с Лотманом Ю. М. и его утверждением о том, что автокоммуникация (вне контекста связи с Другим) – это «фактор трансформации личности и изменения его кода» [\[11\]](#)?

=

Поэтому, дневник в форме писем, как пишет Анна Зализняк, является промежуточной формой автодокументального текста. Теолингвистическую структуру таких писем мы описывали ранее [\[10\]](#), здесь же добавим, что такие письма отражают многие суфийские коммуникативные ритуалы, поэтому тип коммуникации в таких письмах схож и с типом коммуникации молитвы, подробно описанным Прохватиловой [\[19\]](#), Габриэлем Бунге, Мусхешвили [\[14\]](#).

Интересно, что в одном из изречений сам пророк указывает на то, что молитва не может быть названа автокоммуникацией. Пророк однажды обратился к тем, кто выкрикивал громко молитвы:

"إِنَّهَا النَّاسُ ارْبَعُوا عَلَىٰ أَنْفُسِكُمْ إِنَّكُمْ لَنْسَ تَدْعُونَ أَصَمٌ وَلَاٰ غَائِبًا إِنَّكُمْ تَدْعُونَ سَمِيعًا قَرِيبًا وَهُوَ مَعْكُمْ"

«О люди, будьте спокойны, воистину, вы не обращаетесь к глухому..., вы обращаетесь к слышащему, Он близок к вам к вам, Он с вами» [\[4\]](#). Учитывая картину мира молящегося, мы бы назвали такое обращение не автокоммуникацией, а обращением к Ты, не к Я. Хотя ответ от Ты будет опосредован «языком, на котором написана книга вселенной», событиями и явлениями, снами и состояниями сердца.

Сам термин «автокоммуникация», на наш взгляд, отражает определенные тенденции постмодернистской инфантилизации человека, лишения его полноценного авторства в коммуникативном действии: человек сегодня в целом слышит больше себя, чем другого. Он «не слышит» Другого не только метафорически, а и физически: человек закрывает уши наушниками и слышит сигнал переданный техническими средствами гораздо чаще, чем слышит реальных Других вокруг себя. То же происходит и с мониторами: взгляดываясь в монитор, человек не видит реального Ты, сидящего напротив. Иллюзия близости с «подписчиками», «друзьями» лишает его реальной близости с живыми людьми, ведь это требует больших усилий. Так теряется способность психики к интеграции реального коммуникативного опыта, способность слышать и выдержать ранящий мир не-Я, при этом «не рассыпаться» на фрагменты [\[6\]](#), оставаться собой, проживать тщетность от столкновения с инаковостью Ты и, тем не менее, сохранить ценность Ты, ценность Я и ценность пространства между Я и Ты.

То, что выдающийся филолог и философ Лотман Ю. М. назвал автокоммуникацией, мы бы назвали определенным типом речи, но не коммуникацией. В понимании Лотмана

автокоммуникация строит связь не по линии пространства, а по линии времени – соединяет себя с собой во времени (себя прошлого с собой настоящим, будущим). Вопросы темпоральности являются предметом исследования философии [\[22\]](#), и требуют отдельного внимания. В рамках данной статьи лишь отметим, что связь с собой не будет полноценным коммуникативным действием в понимании Ю. Хабермаса, поскольку теряется интерес к Ты, теряется фокус внимания, устремленный к Ты [\[24\]](#).

Как утверждает Ярославцева, в работе «Коммуникативная онтология человека: принцип фокуса», следует различать информационное поле и коммуникацию. Последняя существует в диалоговых формах и опирается на системы обратной связи. Автокоммуникация как «связь с собой в разные периоды времени» скорее отражает рефлексивную функцию речи как инструмента самосознания и мышления. Когда речь идет о связи предмета с самими собой – предположим, что корректнее говорить о тождестве либо преемственности. В качестве автокоммуникации Лотман приводит в пример чтение вслух автором собственного стихотворения в новой, напечатанной форме. Мы упоминали современные мемы о многократном перечитывании собственных комментариев, сообщений, и постов, комичный подсчете реакций и «лайков» на собственные фото: выражаясь психоаналитической терминологией, здесь речь скорее будет идти о регрессе взрослой психики к нарциссической стадии развития дошкольника, когда в фокус внимания ребенка помещены «Я и моя значимость», «Я и мои достижения». При такой фокусировке сознания полноценный контакт с Ты становится невозможным. В возрастной психологии это оценивается как норма для ребенка, но недостаток психической зрелости для взрослого.

Подводя итог написанному, скажем, что дневник в форме письма духовному наставнику можно рассматривать как промежуточный жанр автодокументального письма, имеющий признаки как дневникового, так и эпистолярного жанра, в котором коммуникация происходит по линии «Я и Ты». Несмотря на то, что такие письма являются специфической дневниковой формой, мы считаем нецелесообразным относить такие тексты к автокоммуникации. С учетом картины мира автора писем, коммуникация строится с Другим, автор ожидает ответ от не-Я, для автора это – необходимое условие писем. Иначе письма теряют целесообразность для автора, живущего в суфийской картине мира. В суфийской коммуникативистике, как и в коммуникативной онтологии в целом переход от Я к новому Я происходит исключительно через Ты.

Выводы

Цель исследования состояла в анализе дневникового дискурса как формы автокоммуникации и выявлении его психотерапевтического и духовного потенциала в современном культурном контексте. На основании проведённого анализа теоретических источников, интерпретации суфийских традиций и эмпирических данных, полученных в ходе работы с клиентами, достигнуты следующие результаты.

Обоснование модели автокоммуникации: Исследование показало, что дневниковый дискурс в форме писем к духовному наставнику выходит за рамки классической модели "Я – Я" Ю.М. Лотмана и приближается к диалогической модели "Я – Ты" Мартина Бубера. Этот подход позволяет переосмыслить автокоммуникацию как процесс, включающий метафизического Другого, что открывает новые горизонты в изучении духовной и психологической саморефлексии.

Интеграция мистических практик в психологическую работу: практика ведения дневников в форме писем к наставнику продемонстрировала свою эффективность как

метод снижения тревожности, проработки аддиктивного поведения и улучшения межличностных отношений. Это подчёркивает значимость интеграции традиционных духовных практик в современные психотерапевтические подходы.

Развитие жанра автодокументальных текстов: исследование подтвердило, что дневники-письма представляют собой гибридный жанр, объединяющий элементы дневниковой и эпистолярной литературы. Это открывает перспективы для дальнейшего изучения автодокументальных текстов с точки зрения своеобразия типа коммуникации и жанровой специфики.

Вклад в изучение суфийской традиции: Анализ суфийских нарративных и дискурсивных практик позволяет актуализировать их значение для современного общества. Выявлено, что практики метафизического диалога через дневниковый дискурс сохраняют свою актуальность как инструмент духовного роста и личностного развития.

Сравнение с современными сетевыми дневниками: Выявлены ключевые различия между духовными дневниками и нарциссической направленностью сетевых дневников. Это подчёркивает уникальность традиционных практик, ориентированных на внутренний диалог и метафизический поиск, что может быть полезно для критического анализа современных форм самопрезентации.

Значение исследования для науки и практики

Полученные результаты вносят вклад в развитие религиоведения, психологии, филологии и культурологии. Исследование показывает возможность междисциплинарного подхода к анализу автокоммуникации в дневниковом дискурсе, открывая перспективы для интеграции духовных практик в образовательную и психотерапевтическую деятельность.

Возможности применения на практике

Исследование открывает перспективу введения дневниковых практик в психологическое консультирование в нарративной психотерапии. Полученные знания могут быть использованы в образовательных программах по религиоведению и культурологии. На основе исследования могут быть разработаны методики работы с текстами духовных дневников для укрепления навыков саморефлексии, самотерапии и преодоления эмоциональных кризисов.

Среди аспектов, требующих дальнейшего изучения, можно выделить следующие:

1. Исследование дневникового дискурса в контексте других традиций для выявления универсальных и специфических черт, терапевтического эффекта и культурно-философского анализа.
2. Разработка количественных методов оценки эффективности дневниковых практик в психотерапии.
3. Углубленный компаративный анализ сетевых дневников и духовных дневников как новых феноменов автокоммуникации в цифровую эпоху.

Таким образом, исследование подчёркивает актуальность интеграции духовных и мистических практик в современные подходы к изучению автокоммуникации, открывая новые горизонты как для теоретического анализа, так и для практической деятельности.

[\[11\]](#) Авторская стилистика и пунктуация сохранена.

[2] См. <https://www.instagram.com/letterstotheloved/>

Библиография

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 321 с.
2. Бахтин М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.
3. Буденкова В. Е. Коммуникативная онтология как основание современной эпистемологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 7. С. 33-37.
4. Бухари М. Сахих / пер. с араб. А. Нирша. М., 2007. 1121 с.
5. Ван Вийк Т. Гештальт как вдохновение. Метод автоматического письма в гештальтерапии / пер. Хестанова И. Ridero, 2021. 391 с.
6. Ван дер Харт О. Призраки прошлого. Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы / пер. Агарков В. Когито-Центр, 2013. 496 с.
7. Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html> (дата обращения: 01.10.2024).
8. Кангиева А. М. Суфийская коммуникативистика как алхимия души (на примере источников Крымского ханства) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. № 9. С. 54–64.
9. Кангиева А.М. Теория смысла в суфийской коммуникативистике // Философия и культура. 2019. № 12. С.1-10. DOI: 10.7256/2454-0757.2019.12.31617 URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_31617.html
10. Кангиева А.М. Дневник в форме письма к наставнику как суфийская психотехника (психолингвистический анализ) // Психология и Психотехника. 2023. № 3. С.14-33. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.3.40938 EDN: FKPMB URL: https://e-notabene.ru/ptmag/article_40938.html
11. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 159–165.
12. Магомедова П. А. Homo Ludens в суфийской коммуникативистике (теолингвистический аспект) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 1.
13. Мельниченко М. Дневниковый проект Prozhito. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/authors/843> (дата обращения: 01.10.2024).
14. Мусхелишвили Н. Л. О молитве: научный подход // Studia Religiosa Rossica. 2022. № 2. С. 15-29.
15. Ньюфелд Г. Не упускайте своих детей. М.: Ресурс, 2014. 448 с.
16. Оден М. Возрожденные роды. Изд-во Назаровых, 2014. 186 с.
17. Памук О. Публичный дневник Андре Жида: личное прочтение // Россия в глобальной политике. 2006. № 2.
18. Перцев А. В. Селфи как нормализованный аутизм // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. № 2. С. 201-217.
19. Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-т, 1999. 362 с.
20. Руднев В. П. Деперсонализация и реперсонализация (на материале пьесы Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» и фильма А. Сокурова «Скорбное бесчувствие») // Культура и искусство. 2015. № 4. С. 384-392.
21. Токарев Д. В. Между Индией и Гегелем: творчество Бориса Поплавского

- [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.wikireading.ru/21020> (дата обращения: 01.10.2024).
22. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
23. Шаров К. С. Экстимность как разновидность символического обмена в постсемейных неолиберальных обществах: особенность социального феномена и специфика его форм // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 49.
24. Ярославцева Е. Коммуникативная онтология человека: принцип фокуса // Журнальный клуб ИнтелРос. Вып. 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/chelovek-vchera-i-segodnya/vypusk-5/21144-kommunikativnaya-ontologiya-cheloveka-princip-fokusa.html> (дата обращения: 01.10.2024).
25. Lacan J. Desire and the Interpretation of Desire in Hamlet // Literature and Psychoanalysis: The Question of Reading: Otherwise / ed. by Sh. Felman. Baltimore, 1982. Р. 11-52.
26. Waisbord S. Communication: A Post-Discipline. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2019. 176 р

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования заявлен как "коммуникативные и психолингвистические трансформации, происходящие в процессе ведения таких дневников", однако, в заголовок вынесено своеобразное "движение" "от нарциссизма к диалогу". В то же время, феномен нарциссизма по тексту статьи упоминается лишь трижды. В целом, по тексту видно, что ход исследования отвечает замыслу, поэтому, можно сказать, что предмет сформулирован корректно. Возникает, между тем, вопрос об уместности вынесения в заголовок статьи понятия "нарциссизм".

Актуальность статьи прописана достаточно общо. Хорошо было бы дополнить этот раздел ссылками на иные актуальные исследования по теме или смежные.

Научная новизна исследования явно не обоснована. Более того, возникает вопрос, является ли данное исследование именно психологическим исследованием, или, все же, его можно отнести в большей степени к работам в области филологии? Какой вклад данное исследование делает именно в психологическую науку? Вынесенный в заглавие термин "нарциссизм" не делает исследование более психологичным. Стоит отметить, что сам материал исследования в том виде, в котором он представлен, не позволяет говорить о "психологичности" исследования. Не описано конкретно, какие дневники и в каком количестве изучались, каким методом (конкретным методом).

Стиль статьи в большей степени эссеистский нежели чем научный (по крайней мере нежели чем тот, что присущ статьям по психологическим наукам). Несколько сбивает с толку смешение обсуждения результатов исследования с обсуждением литературы и научных источников по теме. Желательно все же разделить эти два раздела.

Структура оригинальная, но в целом соответствует структуре научной статьи.

Апелляция к оппонентам как таковым отсутствует (нет дискуссии с авторами схожих исследований), но имеются значительные по объему отсылки к литературе, преимущественно филологической.

Интерес читательской аудитории статья может вызвать благодаря редкости темы, однако, будет ли это аудитория того журнала, куда подана статья?

В настоящем виде статья, к сожалению, не может быть рекомендована к публикации в журнал *Психология и психотехника*, она требует доработки.

В первую очередь, необходимо определить предмет статьи сообразно с тематикой издания. Если эта статья видится авторам как статья по психологическим наукам, необходимо определить предмет и цель статьи именно через призму психологии, более подробно это прописать.

Во-вторых, и это замечание видится критичным, необходимо расширенно прописать методологию исследования. Сколько и каких дневников исследовалось, по какому принципу они отбирались, какими конкретно методами проводилось исследование. Описать ход и результаты исследования ("сырые" результаты в том числе) куда более подробно.

В-третьих необходимо отделить обсуждение литературы и отдельно материалов исследования. Для анализа литературы необходим отдельный раздел в статье. В нынешнем варианте эти обсуждения перемешаны и создают впечатления эссе, а не строго-научной статьи.

Но главное, что необходимо сделать авторам, это определиться, является ли их работа работой собственно по психологии? Что эта работа привносит собственно в психологическую науку? Или все-таки это работа в большей степени филологического характера, и ее стоит подать в соответствующий журнал, например, журнал *"Филология: научные исследования"*?

Статья рекомендуется к переработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Духовный дневник: интеграция суфийских практик в современный культурный контекст»

Предметом исследования представленной работы является культурно-философский анализ духовного дневника как к специфического типа коммуникации, текста и дискурса, как способу работы с психикой через письменное слово, а также коммуникативные, экзистенциальные и психолингвистические трансформации, которые происходят в процессе ведения дневников как в цифровой среде, так и в рамках духовной практики. Разбор типа коммуникации в таких дневниках автор подкрепляет анализом фрагментов дневниковых рукописей самих клиентов, которые раскрывают положительные результаты ведения дневников в психокоррекционном процессе. Целью исследования заявлен анализ дневниковых практик, начиная от цифровых сетевых дневников и заканчивая суфийскими духовными дневниками, с акцентом на различие их коммуникативных функций — от нарциссической автокоммуникации до диалога с Другим. Методология исследования выражается в использовании междисциплинарного подхода (на пересечении культурологического, психолингвистического, теологического анализа), а также современные подходы (нarrативная психология, теория коммуникаций) и традиции суфизма, что вносит вклад в междисциплинарные исследования. Автор использует методы коммуникативного, дискурсивного и

нарративного анализа.

Актуальность работы состоит в актуализации культурного наследия суфизма через изучение практики дневников в современном мире. Эти тексты продолжают традицию метафизического диалога в современном контексте, сохраняя свою духовную значимость. Данная критика постмодернистских тенденций, раскрыты различия между нарциссической направленностью современных практик самопрезентации и диалоговой природой текстов, основанных на традициях Диалога. Это подчеркивает новизну и актуальность исследования и его значимость для различных областей знаний — от филологии и психологии до культурологии и религиоведения.

Научная новизна работы обусловлена попыткой автора переосмыслить термин «автокоммуникация», а также критическим анализом концепции автокоммуникации Ю.М. Лотмана с позиций суфийской коммуникативистики и коммуникативной онтологии. Представленное исследование нацелено на междисциплинарный анализ духовных дневников как инструмента поиска предельных смыслов, проживания экзистенциальных переживаний, средства самопознания и психокоррекции, как разновидности текста и дискурса и, что делает его значимым как для философии и культурологии, так и для психологии и религиоведения.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Статья предлагает попытку нового осмысление роли дневниковых практик как культурного феномена, что может оказаться полезным как для специалистов в областях психологии, филологии, философии, культурологии, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами типов коммуникации, дневниковым дискурсом, инструментами самотерапии, нарративистикой. В работе показано, что дневник может стать как инструментом отчуждения и разрыва контакта, как в случае с цифровым нарциссизмом в сетевых дневниках, так и средством восстановления подлинного диалога. Представленное исследование нацелено на междисциплинарный анализ духовных дневников как инструмента поиска предельных смыслов, проживания экзистенциальных переживаний, средства самопознания и психокоррекции, как разновидности текста и дискурса и, что делает его значимым как для философии и культурологии, так и для психологии и религиоведения.

Библиография включает 26 источников, которые соответствуют заявленной теме. Обращает на себя внимание опечатки, стилистические ошибки, но они легко устранимы. Например, «С опорой на суфийскую мистическую традицию был предложен клиентам автора настоящего исследования метод ведения дневников в форме письма наставнику» - не очень понятное предложение. Или «Есть ли в атакоммуникации место встрече?», видимо здесь пропущена буква, должно быть автокоммуникация.